

ЛЕВ КАССИЛЬ

РАССКАЗ ОБ ОТСУТСТВУЮЩЕМ

Когда в большом зале штаба фронта адъютант командующего, заглянув в список награждённых, назвал очередную фамилию, в одном из задних рядов поднялся невысокий человек. Кожа на его обострившихся скулах была желтоватой и прозрачной, что наблюдается обычно у людей, долго пролежавших в постели. Припадая на левую ногу, он шёл к столу. Командующий сделал короткий шаг навстречу ему, вручил орден, крепко пожал награждённому руку, поздравил и протянул орденскую коробку.

Награждённый, выпрямившись, бережно принял в руки орден и коробку. Он отрывисто поблагодарил, чётко повернулся, как в строю, хотя ему мешала раненая нога. Секунду он стоял в нерешительности, поглядывая то на орден, лежавший у него на ладони, то на товарищей по славе, собравшихся тут. Потом снова выпрямился.

— Разрешите обратиться?

— Пожалуйста.

— Товарищ командующий... И вот вы, товарищи, — заговорил прерывающимся голосом награждённый, и все почувствовали, что человек очень взволнован. — Дозвольте сказать слово. Вот в этот момент моей жизни, когда я принял великую

награду, хочу я высказать вам о том, кто должен бы стоять здесь, рядом со мной, кто, может быть, больше меня эту великую награду заслужил и своей молодой жизни не пощадил ради нашей воинской победы.

Он протянул к сидящим в зале руку, на ладони которой поблёскивал золотой ободок ордена, и обвёл зал просительными глазами.

— Дозвольте мне, товарищи, свой долг выполнить перед тем, кого тут нет сейчас со мной.

— Говорите, — сказал командующий.

— Просим! — откликнулись в зале.

И тогда он рассказал.

— Вы, наверное, слышали, товарищи, — так начал он, — какое у нас создалось положение в районе Р. Нам тогда пришлось отойти, а наша часть прикрывала отход. И тут нас немцы отсекали от своих. Куда ни пойдёмся, всюду нарываемся на огонь. Бьют по нас немцы из миномётов, долбят лесок, где мы укрылись, из гаубиц, а опушку прочёсывают автоматами. Время истекло, по часам выходит, что наши уже закрепились на новом рубеже, сил противника мы оттянули на себя достаточно, пора бы и до дому, время на соединение оттягиваться. А пробиться, видим, ни в какую нельзя. И здесь оставаться дольше нет никакой возможности. Нащупал нас немец, зажал в лесу, почуял, что наших тут горсточка всего-навсего осталась, и берёт нас своими клещами за горло. Вывод ясен — надо пробиваться окольным путём.

А где он, этот окольный путь? Куда направление выбрать? И командир наш, лейтенант Буторин Андрей Петрович, говорит:

— Без разведки предварительной тут ничего не получится. Надо порыскать да пощупать, где у них щёлка имеется. Если найдём — проскочим.

Я, значит, сразу вызвался.

— Дозвольте, — говорю, — мне попробовать, товарищ лейтенант?

Внимательно посмотрел он на меня. Тут уже не в порядке рассказа, а, так сказать, сбоку должен объяснить, что мы с Андреем из одной деревни — кореши. Сколько раз на рыбалку ездили на Исеть! Потом оба вместе на медеплавильном работали в Ревде. Одним словом, друзья-товарищи. Посмотрел он на меня внимательно, нахмурился.

— Хорошо, — говорит, — товарищ Задохтин, отправляйтесь. Задание вам ясно?

Вывел меня на дорогу, оглянулся, схватил за руку.

— Ну, Коля, — говорит, — давай простимся с тобой на всякий случай. Дело, сам понимаешь, смертельное. Но раз вызвался, то отказать тебе не смею. Выручай, Коля... Мы тут больше двух часов не продержимся. Потери чересчур большие...

— Ладно, — говорю, — Андрей, мы с тобой не в первый раз в такой оборот угодили. Через часок жди меня. Я там высмотрю, что надо... Ну, а уж если не вернусь, кланяйся там нашим, на Урале...

И вот пополз я, хоронюсь по-за деревьями. Попробовал в одну сторону — нет, не пробиться: густым огнём немцы по тому участку кроют. Пополз в обратную сторону. Там на краю лесочка овраг был, буерак такой, довольно глубокий, промытый. А на той стороне у буерака — кустарник, а за ним — дорога, поле открытое. Спустился я в овраг, решил к кустикам

подобраться и сквозь них высмотреть, что в поле делается. Стал я карабкаться по глине наверх, вдруг замечаю, над самой моей головой две босые пятки торчат. Пригляделся, вижу: ступни маленькие, на подошвах грязь присохла и отваливается, как штукатурка, пальцы тоже грязные, поцарапанные, а мизинчик на левой ноге синей тряпочкой перевязан — видно, пострадал где-то... Долго я глядел на эти пятки, на пальцы, которые беспокойно шевелились над моей головой. И вдруг, сам не знаю почему, потянуло меня щекотнуть эти пятки... Даже и объяснить вам не могу. А вот подмывает и подмывает... Взял я колючую былинку да и покорябал ею легонько одну из пяток. Разом исчезли обе ноги в кустах, и на том месте, где торчали из ветвей пятки, появилась голова. Смешная такая, глаза перепуганные, безбровые, волосы лохматые, выгоревшие, а нос весь в веснушках.

— Ты что тут? — говорю я.

— Я, — говорит, — корову ищу. Вы не видели, дядя? Маришкой зовут. Сама белая, а на боке чёрное. Один рог вниз торчит, а другого вовсе нет... Только вы, дядя, не верьте... Это я всё вру... пробую так. Дядя, — говорит, — вы от наших отбились?

— А это кто такие ваши? — спрашиваю.

— Ясно кто — Красная Армия... Только наши вчера за реку ушли. А вы, дядя, зачем тут? Вас немцы зацапают.

— А ну, иди сюда, — говорю. — Расскажи, что тут в твоей местности делается.

Голова исчезла, опять появилась нога, а ко мне по глиняному склону на дно оврага, как на салазках, пятками вперёд, съехал мальчонка лет тринадцати.

— Дядя, — зашептал он, — вы скорее отсюда давайте куда-нибудь. Тут немцы. У них вон у того леса четыре пушки стоят, а здесь сбоку миномёты ихние установлены. Тут через дорогу никакого ходу нет.

— И откуда, — говорю, — ты всё это знаешь?

— Как, — говорит, — откуда? Даром, что ли, с утра наблюдаю?

— Для чего же наблюдаешь?

— Пригодится в жизни, мало ль что...

Стал я его расспрашивать, и малец рассказал мне про всю обстановку. Выяснил я, что овраг идёт по лесу далеко и по дну его можно будет вывести наших из зоны огня. Мальчишка вызвался проводить нас. Только мы стали выбираться из оврага в лес, как вдруг засвистело в воздухе, завыло и раздался такой треск, словно вокруг половину деревьев разом на тысячи сухих щепок расколело. Это немецкая мина угодила прямо в овраг и рванула землю около нас. Темно стало у меня в глазах. Потом я высвободил голову из-под насыпавшейся на меня земли, огляделся: где, думаю, мой маленький товарищ? Вижу, медленно приподымает он свою кудлатую голову от земли, начинает выковыривать пальцем глину из ушей, изо рта, из носа.

— Вот это так дало! — говорит. — Попало нам, дядя, с вами, как богатым... Ой, дядя, — говорит, — погодите! Да вы ж раненый.

Хотел я подняться, а ног не чую. И вижу — из разорванного сапога кровь плывёт. А мальчишка вдруг прислушался, вскарабкался к кустам, выглянул на дорогу, скатился опять вниз и шепчет:

— Дядя, — говорит, — сюда немцы идут. Офицер впереди. Честное слово! Давайте скорее отсюда. Эх ты, как вас сильно...

Попробовал я шевельнуться, а к ногам словно по десять пудов к каждой привязано. Не вылезти мне из оврага. Тянет меня вниз, назад...

— Эх, дядя, дядя, — говорит мой дружок и сам чуть не плачет, — ну, тогда лежите здесь, дядя, чтоб вас не слышать, не видеть. А я им сейчас глаза отведу, а потом вернусь, после...

Побледнел он так, что веснушек ещё больше стало, а глаза у самого блестят. «Что он такое задумал?» — соображаю я. Хотел было его удержать, схватил за пятку, да куда там! Только мелькнули над моей головой его ноги с растопыренными чумазыми пальцами — на мизинчике синяя тряпочка, как сейчас вижу... Лежу я и прислушиваюсь. Вдруг слышу: «Стой!.. Стоять! Не ходить дальше!» Заскрипели над моей головой тяжёлые сапоги, я расслышал, как немец спросил:

— Ты что такое тут делал?

— Я, дяденька, корову ищу, — донёсся до меня голос моего дружка, — хорошая такая корова, сама белая, а на боке чёрное, один рог вниз торчит, а другого вовсе нет. Маришкой зовут. Вы не видели?

— Какая такая корова? Ты, я вижу, хочешь болтать мне глупости. Иди сюда близко. Ты что такое лазал тут уж очень долго, я тебя видел, как ты лазал.

— Дяденька, я корову ищу, — стал опять плаксиво тянуть мой мальчонка. И внезапно по дороге чётко застучали его лёгкие босые пятки.

— Стоять! Куда ты смел? Назад! Буду стрелять! — закричал немец.

Над моей головой забухали тяжёлые кованые сапоги. Потом раздался выстрел. Я понял: дружок мой нарочно бросился бежать в сторону от оврага, чтобы отвлечь немцев от меня. Я прислушался, задыхаясь. Снова ударил выстрел. И услышал я далёкий, слабый вскрик. Потом стало очень тихо... Я как припадочный бился. Я зубами грыз землю, чтобы не закричать, я всей грудью на свои руки навалился, чтобы не дать им схватиться за оружие и не ударить по фашистам. А ведь нельзя мне было себя обнаруживать. Надо выполнить задание до конца. Погибнут без меня наши. Не выберутся. Опираясь на локти, цепляясь за ветви, пополз я... После уже ничего не помню. Помню только — когда открыл глаза, увидел над собой совсем близко лицо Андрея...

Ну вот, так мы и выбрались через тот овраг из лесу...

Он остановился, передохнул и медленно обвёл глазами весь зал.

— Вот, товарищи, кому я жизнью своей обязан, кто нашу часть вызволить из беды помог. Понятно, стоять бы ему тут, у этого стола. Да вот не вышло... И есть у меня ещё одна просьба к вам... Почтим, товарищи, память дружка моего безвестного — героя безымянного... Вот даже и как звать его, спросить не успел...

И в большом зале тихо поднялись лётчики, танкисты, моряки, генералы, гвардейцы — люди славных боёв, герои жестоких битв, поднялись, чтобы почтить память маленького, никому неведомого героя, имени которого никто не знал. Молча стояли понурившиеся люди в зале, и каждый по-своему видел перед собой кудлатого мальчонку, веснушчатого и голопятого, с синей замурзанной тряпочкой на босой ноге...

ЛИНИЯ СВЯЗИ

Памяти сержанта Новикова

Лишь несколько кратких информационных строк было напечатано в газетах об этом. Я не стану повторять их вам, потому что все, кто читал это сообщение, запомнили его навсегда. Нам неизвестны подробности, мы не знаем, как жил человек, совершивший этот подвиг. Мы знаем только, как кончилась его жизнь. Товарищам его в лихорадочной спешке боя некогда было записывать все обстоятельства того дня. Придёт ещё время, когда героя воспоют в балладах, вдохновенные страницы будут охранять бессмертие и славу этого поступка. Но каждый из нас, прочитавших коротенькое, скупое сообщение о человеке и его подвиге, захотел сейчас же, ни на минуту не откладывая, ничего не дожидаясь, представить, как всё это свершилось... Пусть меня поправят потом те, кто участвовал в этом бою, может быть, я не совсем точно представляю себе обстановку или прошёл мимо каких-то деталей, а что-то прибавил от себя, но я расскажу обо всём так, как увидело поступок этого человека моё воображение, взволнованное пятистрочной газетной заметкой.

Я увидел просторную снежную равнину, белые холмы и редкие перелески, сквозь которые, шурша о ломкие стебли, мчался морозный ветер. Я слышал надсадный и охрипший голос штабного телефониста, который, ожесточённо вертя рукоятку коммутатора и нажимая кнопки, тщетно вызывал часть, занимавшую отдалённый рубеж. Враг окружал эту

часть. Надо было срочно связаться с ней, сообщить о начавшемся обходном движении противника, передать с командного пункта приказ о занятии другого рубежа, иначе — гибель... Пробраться туда было невозможно. На пространстве, которое отделяло командный пункт от ушедшей далеко вперёд части, сугробы лопались, словно огромные белые пузыри, и вся равнина пенилась, как пенится и бурлит взбу́ренная поверхность закипевшего молока.

Немецкие миномёты били по всей равнине, взметая снег вместе с комьями земли. Вчера ночью через эту смертную зону связисты проложили кабель. Командный пункт, следя за развитием боя, слал по этому проводу указания, приказы и получал ответные сообщения о том, как идёт операция. Но вот сейчас, когда требовалось немедленно изменить обстановку и отвести передовую часть на другой рубеж, связь внезапно прекратилась. Напрасно бился над своим аппаратом, припадая ртом к трубке, телефонист:

— Двенадцатая!.. Двенадцатая!.. Ф-фу... — Он дул в трубку. — Арина! Арина!.. Я — Сорока!.. Отвечайте... Отвечайте!.. Двенадцать восемь дробь три!.. Петя! Петя!.. Ты меня слышишь? Дай отзыв, Петя!.. Двенадцатая! Я — Сорока!.. Я — Сорока! Арина, вы слышите нас? Арина!..

Связи не было.

— Обрыв, — сказал телефонист.

И вот тогда человек, который только вчера под огнём прополз всю равнину, хоронясь за сугробами, переползая через холмы, зарываясь в снег и волоча за собой телефонный кабель, человек, о котором мы прочли потом в газетной заметке, поднялся, запахнул

белый халат, взял винтовку, сумку с инструментами и сказал очень просто:

— Я пошёл. Обрыв. Ясно. Разрешите?

Я не знаю, что говорили ему товарищи, какими словами напутствовал его командир. Все понимали, на что решился человек, отправляющийся в проклятую зону...

Провод шёл сквозь разрозненные ёлочки и редкие кусты. Вьюга звенела в осоке над замёрзшими болотцами. Человек полз. Немцы, должно быть, вскоре заметили его. Маленькие вихри от пулемётных очередей, курясь, затанцевали хороводом вокруг. Снежные смерчи разрывов подбирались к связисту, как косматые призраки, и, склоняясь над ним, таяли в воздухе. Его обдавало снежным прахом. Горячие осколки мин противно взвизгивали над самой головой, шевеля взмокшие волосы, вылезшие из-под капюшона, и, шипя, плавил снег совсем рядом...

Он не слышал боли, но почувствовал, должно быть, страшное онемение в правом боку и, оглянувшись, увидел, что за ним по снегу тянется розовый след. Больше он не оглядывался. Метров через триста он нащупал среди вывороченных обледенелых комьев земли колючий конец провода. Здесь прерывалась линия. Близко упавшая мина порвала провод и далеко в сторону отбросила другой конец кабеля. Ложбинка эта вся простреливалась миномётами. Но надо было отыскать другой конец оборванного провода, проползти до него, снова срастить разомкнутую линию.

Грохнуло и завыло совсем близко. Стопудовая боль обрушилась на человека, придавила его к земле. Человек, отплёвываясь, выбрался из-под навалившихся

на него комьев, повёл плечами. Но боль не стряхивалась, она продолжала прижимать человека к земле. Человек чувствовал, что на него наваливается удушливая тяжесть. Он отполз немного, и, наверное, ему показалось, что там, где он лежал минуту назад, на пропитанном кровью снегу, осталось всё, что было в нём живого, а он двигается уже отдельно от самого себя. Но как одержимый он карабкался дальше по склону холма. Он помнил только одно: надо отыскать висящий где-то там, в кустах, конец провода, нужно добраться до него, уцепиться, подтянуть, связать. И он нашёл оборванный провод. Два раза падал человек, прежде чем смог приподняться. Что-то снова жгуче стегнуло его по груди, он повалился, но опять привстал и схватился за провод. И тут он увидел, что немцы приближаются. Он не мог отстреливаться: руки его были заняты... Он стал тянуть проволоку на себя, отползая назад, но кабель запутался в кустах. Тогда связист стал подтягивать другой конец. Дышать ему становилось всё труднее и труднее. Он спешил. Пальцы его коченели...

И вот он лежит неловко, боком на снегу и держит в раскинутых, костенеющих руках концы оборванной линии. Он силится сблизить руки, свести концы провода вместе. Он напрягает мышцы до судорог. Смертная обида томит его. Она горше боли и сильнее страха... Всего лишь несколько сантиметров разделяют теперь концы провода. Отсюда к переднему краю обороны, где ожидают сообщения отрезанные товарищи, идёт провод... И назад, к командному пункту, тянется он. И надрываются до хрипоты телефонисты... А спасительные слова помощи не могут пробиться через эти

несколько сантиметров проклятого обрыва! Неужели не хватит жизни, не будет уже времени соединить концы провода? Человек в тоске грызёт снег зубами. Он силится встать, опираясь на локти. Потом он зубами зажимает один конец кабеля и в исступлённом усилии, перехватив обеими руками другой провод, подтаскивает его ко рту. Теперь не хватает не больше сантиметра. Человек уже ничего не видит. Искристая тьма выжигает ему глаза. Он последним рывком дёргает провод и успевает закусить его, до боли, до хруста сжимая челюсти. Он чувствует знакомый кисловато-солёный вкус и лёгкое покалывание языка. Есть ток! И, нашарив винтовку помертвевшими, но теперь свободными руками, он валится лицом в снег, неистово, всем остатком своих сил стискивая зубы. Только бы не разжать... Немцы, осмелев, с криком набегают на него. Но опять он наскрёб в себе остатки жизни, достаточные, чтобы приподняться в последний раз и выпустить в близко сунувшихся врагов всю обойму... А там, на командном пункте, просиявший телефонист кричит в трубку:

— Да, да! Слышу! Арина? Я — Сорока! Петя, дорогой! Принимай: номер восемь по двенадцатому.

...Человек не вернулся обратно. Мёртвый, он остался в строю, на линии. Он продолжал быть проводником для живых. Навсегда онемел его рот. Но, пробиваясь слабым током сквозь стиснутые его зубы, из конца в конец поля сражения неслись слова, от которых зависели жизни сотен людей и результат боя. Уже отомкнутый от самой жизни, он всё ещё был включён в её цепь. Смерть заморозила его сердце, оборвала ток крови в оледеневших сосудах. Но яростная пред-

смертная воля человека торжествовала в живой связи людей, которым он остался верен и мёртвый.

Когда в конце боя передовая часть, получив нужные указания, ударила немцам во фланг и ушла от окружения, связисты, сматывая кабель, наткнулись на человека, полузанесённого позёмкой. Он лежал ничком, уткнувшись лицом в снег. В руке его была винтовка, и окоченевший палец застыл на спуске. Обойма была пуста. А поблизости в снегу нашли четырёх убитых немцев. Его приподняли, и за ним, вспарывая белизну сугроба, потащился прикушенный им провод. Тогда поняли, как была восстановлена линия связи во время боя...

Так крепко были стиснуты зубы, зажавшие концы кабеля, что пришлось обрезать провод в углах окоченевшего рта. Иначе не освободить было человека, который и после смерти стойко нёс службу связи. И все вокруг молчали, стиснув зубы от боли, пронявшей сердце, как умеют молчать в горе русские люди, как молчат они, если попадают, обессиленные от ран, в лапы «мёртвоголовых», — наши люди, у которых никакой мукой, никакими пытками не разжать стиснутых зубов, не вырвать ни слова, ни стона, ни закушенного провода.

ЗЕЛЁНАЯ ВЕТОЧКА

С. Л. С.

На Западном фронте мне пришлось некоторое время жить в землянке техника-интенданта Тарасникова. Он работал в оперативной части штаба гвардейской бригады. Тут же, в землянке, помещалась

его канцелярия. Трёхлинейная лампешка освещала низкий сруб. Пахло свежим тёсом, земляной сыростью и сургучом. Сам Тарасников, невысокий, болезненного вида молодой человек со смешными рыжими усиками и жёлтым, обкуренным ртом, встретил меня вежливо, но не слишком приветливо.

— Устройтесь вот тут, — сказал он мне, указывая на топчан и тотчас снова склоняясь над своими бумагами. — Сейчас вам подстелят палатку. Надеюсь, моя контора вас не стеснит? Ну и вы, рассчитываю, тоже особенно мешать нам не будете. Условимся так. Присаживайтесь пока.

И я стал жить в подземной канцелярии Тарасникова. Это был очень беспокойный, необычайно дотошный и придирчивый работяга. Целые дни он надписывал и клеивал пакеты, припечатывал их сургучом, согретым над лампой, рассылал какие-то донесения, принимал бумаги, перечерчивал карту, стучал одним пальцем на заржавленной машинке, тщательно выбивая каждую букву. По вечерам его мучили приступы лихорадки, он глотал акрихин, но лечь в госпиталь категорически отказывался:

— Что вы, что вы! Куда же я уйду? Да тут всё дело без меня станет! Всё на мне и держится. На день мне уйти — так потом год не распутаешься тут...

Поздно ночью, вернувшись с переднего края обороны, засыпая на своём топчане, я всё ещё видел за столом усталое и бледное лицо Тарасникова, освещённое огнём лампы, деликатно, ради меня, приспущенным, и укутанное табачным туманом. От глиняной печурки, сложенной в углу, шёл горячий чад. Усталые глаза Тарасникова слезились, но он продолжал

надписывать и клеивать пакеты. Потом он вызывал связного, который дожидался за плащ-палаткой, повешенной у входа в нашу землянку, и я слышал следующий разговор.

— Кто из пятого батальона? — спрашивал Тарасников.

— Я из пятого батальона, — отвечал связной.

— Примите пакет... Вот. Возьмите его в руки. Так. Видите, написано здесь: «Срочно». Следовательно, доставить немедленно. Вручить лично командиру. Понятно? Не будет командира — передадите комиссару. Комиссара не будет — разыщите. Больше никому не передавать. Ясно? Повторите.

— Доставить пакет срочно, — как на уроке, односторонне повторял связной. — Лично командиру, если не будет — комиссару, если не будет — отыскать.

— Правильно. В чём понесёте пакет?

— Да уж обыкновенно... Вот тут, в кармане.

— Покажите ваш карман. — И Тарасников подходил к высокому связному, становился на цыпочки, просовывал руку под плащ-палатку, за пазуху шинели, и проверял, нет ли прорех в кармане.

— Так, в порядке. Теперь учтите: пакет секретный. Следовательно, если попадёте противнику, что будете делать?

— Да что вы, товарищ техник-интендант, зачем же я буду попадаться!

— Попадаться незачем, совершенно верно, но я вас спрашиваю: что будете делать, если попадёте?

— Да я сроду никогда не попадусь...

— А я вас спрашиваю — если? Так вот, слушайте. Если что, опасность какая, так содержимое съешьте